

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Экран и сцена. —
1996. —
10-17 окт.
96.

Французского хореографа Филиппа Декуфле знают почти все. Хотя большинство об этом даже не подозревают — имя Декуфле ни о чем не говорит широкой публике. Но те, кто видел в его постановке церемонии открытия и закрытия XVI Зимних Олимпийских Игр в Альбервиле (а видели их по ТВ десятки миллионов), наверняка помнят, что это было за зрелище. (Я, например, не раз вздохнула о нем, наблюдая прошедшим летом провинциальную помпезность и унылые потуги рассеянной фантазии американцев в Атланте.)

В конце сентября Росинтерфест и Французский культурный центр привезли в Москву Филиппа, его труппу ДСА и его действо под названием "Декодекс". Многие из самых интересных и известных хореографов гастролировали у нас в последние годы, но такого столпотворения у входа в театр не припомню. Аналогичный случай произошел, говорят, и с французами осенью девяносто пятого, когда парализованный массовыми забастовками транспорт по всей стране стоял, а премьерные спектакли в парижском пригороде Бобиньи шли и шли при полных аншлагах. "Все устроились на его "Декодекс", — изумлялась "Монд", — папы и мамы, бабушки и дедушки, их дети и внуки. Все хотят, не взирая на забастовку, непременно добраться до Бобиньи — пешком, на велосипедах, автостопом".

Чем же так манит Декуфле? В чем его загадка?

Нас хлебом не корми, а вынь да положи загадку, да позакывристее. Десять лет назад хореограф поставил "Кодекс" — спектакль в его творчестве этапный и единодушно признанный од-

Простота совершенства

ним из самых удивительных произведений французского танца восьмидесятых. Специалисты тут же записали его в загадочные и принялись искать шифр. "Кодекс" — необходимо раскодировать. Тогда Декуфле сочинил поэму-объяснение, столь же "загадочное", как и его спектакль, что-то о таинственной фармакопее — точной, но непонятной, о выходящих папоротниках, изменяемой геометрии, футуристических стихах и "скачущих" планетах. "Ну вот, — решили специалисты, — теперь, наконец, все ясно". И успокоились. Но пролетело десять лет, появился "Декодекс" — и пришлось начинать сначала.

А по-моему, все куда проще и веселее.

Жизнь буднична, а люди хотят радости. Жизнь прозаична, а люди жаждут чудес. Декуфле доставляет радость и творит чудеса. Его силится разгадать, расшифровать, раскодировать, а он улыбается и предлагает: бросьте, давайте поиграем! Поэма-объяснение — тоже элемент игры. В юности Филипп мечтал стать клоуном и даже несколько месяцев работал в шапите. Клоуном не стал, но цирковую стихию приручил. Она в самой ткани его спектакля, глубже — в сути. Она сделала объемнее, раскрепостила мышление хореографа.

Вольная фантазия в оправе (но не в оковах) безупречного вкуса. Декуфле не поучает, не задает мучительных вопросов, не вскрывает язвы общества. Он дарит нам чистую радость. "Декодекс" — иллюзион, монтаж аттракционов.

Неизвестные науке ластоногие. Забавные существа с разноцветными "скорпионскими хвостами" на руках, плечах, голове. Кетчер (современная ипостась цирковых силачей начала века) с запаянной в тяжеленный металлический блин ногой. Или нечто бело-кремовое, взбито-сливочное неопределенной, перетекающей формы — непонятный, но точный технический расчет создает завораживающий эффект. В это время в зрительном зале все — дети: глаза блестят и хочется хлопать в ладоши. Аттракцион-красота, аттракцион-диовинка.

Но дело не в кунштуках. Декуфле, точно заправский технарь или естественник, постигает свойства материалов и анатомию, переплавляет их в тигеле своего воображения и, искусно жонглируя ритмом и формой, создает особый мир сильных (но не агрессивных) эмоций, хрупких (но не эфемерных) движений души. Вовлекает в танец не только человеческое тело, но и машинерию, и само пространство. И вот уже на сцене пленительное трио, где руки танцовщиков — громадные "гофрированные" пылесосные шланги. Фиглигранно ритмизованная упругость этих, казалось бы, совсем не эстетичных предметов неожиданно и сладко задевает в нас какие-то потаенные струны.

Зрелищность Декуфле не код, не метафора, в ней не ищи аллюзий и подтекста. Она сама — текст. Она самоценна и не переводится на язык слов. Разве что чувств.

Вместе с постановщиком ворожит художник по костюмам Филипп Гийотель. Его костюм — не украшение персонажа, не иллюстрация происходящего, а одно с ним целое. Кожа танцовщика — инструмент хореографа. Без него рисунок танца и сама пластика были бы другими. Все вместе рождает причудливый вязи декоративный орнамент, которым так укутывается взор.

Человека всегда увлекал полет, даже если он всего лишь наблюдал за ним со стороны. В спектакле Декуфле летают. Тут же вспомнила я знаменитые гигантские шаги в мейерхольдовом "Лесе" и смогла не просто понять техническую подоплеку, а ощутить наконец то, что ощутили и сохранили в душе на десятилетия видевшие некогда это чудо. В летающих парах "Декодекса" есть что-то от цирковых акробатов, но только по видимости. Посыл иной. Не демонстрация ловкости и бесстрашия, а нечто шагаловское, от его счастьем "поднятых на крыло" влюбленных.

Так в чем же загадка Декуфле?

Он — редкость в современном балете — хореограф для всех. Каждый, безусловно, найдет, почувствует что-то свое, но понравится всем. Всех пленят веселье и простота. Не плоскодонная простота примитива, но простота совершенства.

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.